

Д.А. Карпук

ДУХОВНАЯ ЦЕНзуРА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

(по материалам фонда Санкт-Петербургского
духовного цензурного комитета)

Представленный в первой части статьи историографический очерк свидетельствует о слабой разработанности истории духовной цензуры второй половины XIX – начала XX вв. Современники считали духовную цензуру самой строгой. Центральным из всех действовавших в России её комитетов являлся петербургский. Материалы данного комитета в настоящее время находятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 807). Именно архивные дела стали главным источником относительно состава комитета, повседневной деятельности духовных цензоров, связей между комитетом и Св. Синодом, который оставался главным цензурным учреждением в Российской империи. Также в статье представлен краткий очерк истории духовной цензуры в XVIII – начале XX вв.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Св. Синод, синодальный период, духовная цензура, Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет, церковная иерархия, предварительная цензура, карательная цензура, цензурный устав 1828 г., архиереи-цензоры, митрополит Макарий (Булгаков), К.П. Победоносцев.

Историографический экскурс

Работы по истории цензуры в России начали выходить еще в 60-е гг. XIX в. За последующие полвека было опубликовано достаточно много серьёзных монографических исследований. Современные учёные делят данные исследования на группы. Так, С.И. Григорьев вслед за советской исследовательницей Ю.И. Герасимовой предлагает разделить историографию цензуры на две неравные части: «официозно-охранительную» и «буржуазно-либеральную»¹. Принципиальное расхождение между авторами этих направлений заключается в том, что первые (П.К. Щебальский, С.В. Рождественский, О. Нотович, К.К. Арсеньев)² счи-

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

¹Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007. С. 22.

²См.: Щебальский П.К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902; Нотович О. Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873; Арсеньев К.К. Законодательство о печати. СПб., 1903.

тали инициатором пересмотра законов о печати государственную власть, а вторые (А.М. Скабичевский, Н. Энгельгард, М.К. Лемке, Г.А. Джаншиев, В. Розенберг, В. Якушкин)³, критикуя первых, настаивали на том, что изменения правительственной политики в области печати происходили под усиливающимся давлением общественного мнения. В постсоветский период количество общих работ по истории цензуры, (В.Г. Чернуха)⁴, значительно увеличилось (Н.Г. Патрушева, Г.В. Жирков)⁵. В начале XXI в. к данной теме обращается все больше исследователей (Л.Ю. Гусман, Е.В. Потапова, Г.В. Жирков, С.И. Ячевский, Т.Л. Полусмак, М.М. Шевченко, Р.И. Бурлакова, И.Е. Марцоха, А.А. Осташевский, Н.Г. Патрушева)⁶.

³См.: *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892; *Энгельгард Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903 гг.). СПб., 1904; *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907; *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905.

⁴*Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–е–70–е годы XIX в. Л., 1989. Библиографию по истории советской цензуры см. здесь: *Ерашова М.И.* История советской цензуры. Работы, опубликованные в 1988–2000 г. // *Цензура в России: история и современность.* Сб. научн. работ. Вып. 1. СПб., 2001. С. 258–263.

⁵См.: *Патрушева Н.Г.* Цензурная политика в России 1865 г.: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1990; *Её же.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: «Северная звезда», 2011; *Её же.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX–начале XX века. Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2014; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX века. СПб., 2000; *Его же.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; *Его же.* Век официальной цензуры // *Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. Власть и культура.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 167–264.

⁶*Гусман Л.Ю.* История несостоявшейся цензуры. Проекты преобразования цензуры иностранных изданий в России (1861–1881 гг.). 2-е изд. М.: Вузовская книга, 2007; 1999; *Потапова Е.В.* Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX века. Дис.... канд. пед. наук. М., 1999; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX века: учебное пособие. М., 2000; *Его же.* История цензуры в России XIX–XX века. Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001; *Пишеничная М.А.* Государственная политика в области цензуры печати в России XIX–начала XX веков. Дис.... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002; *Ячевский С.И.* Цензурная политика царского правительства в пореформенный период (вторая половина XIX–начало XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Полусмак Т.Л.* Цензурное законодательство дореволюционной России. Дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М.: «Три квадрата», 2003; *Бурлакова Р.И.* Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII–начале XX века. Дис.... канд. юрид. наук. М., 2004; *Марцоха И.Е.* Институт цензуры в информационной правовой политике России. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007; *Осташевский А.А.* Цензурные уставы XIX века и их влияние на формирование системы российской прессы. Дис. ... канд. филологических наук. Краснодар, 2009;

Важным пособием по изучению истории дореволюционной цензуры являются шесть сборников «Цензура в России: история и современность», изданных Российской национальной библиотекой и Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН⁷. Эти сборники интересны тем, что там опубликованы не только исследования, посвященные конкретным личностям и эпизодам из истории цензуры в имперский и советский период истории России, но и библиографические обзоры современных работ по цензуре, причем не только российских, но и иностранных ученых⁸.

Отдельного внимания заслуживают работы по истории книги и периодической печати в России, например, таких авторов как Г.В. Жирков, Б.Т. Есин, К.Е. Нетужилов и др.⁹ Вне всякого сомнения, важна и мемуаристика. В настоящее время издаются уже целые антологии, в которых собраны произведения, отрывки из воспоминаний и дневников, свидетельствующие об отношениях цензоров с авторами и издателями¹⁰. Впрочем, по истории именно духовной цензуры данных из подобного рода источников можно почерпнуть совсем немного. В данном случае в качестве примера можно привести дневники цензора и про-

См. подробнее: *Патрушева Н.Г.* Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999–2009 гг.: библиогр. обзор // *Цензура в России: история и современность*. Сб. научн. работ. Вып. 5. СПб., 2011. С. 358–376.

⁷Цензура в России: история и современность. Сборник научных работ. Вып. 1. СПб., 2001; Вып. 2. СПб., 2005; Вып. 3. СПб., 2006; Вып. 4. СПб., 2008; Вып. 5. СПб., 2011; Вып. 6. СПб., 2013.

⁸*Фут И.П.* Цензура в дореволюционной России. Литература, опубликованная на английском языке // *Цензура в России: история и современность*. Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2005. С. 273–285; *Патрушева Н.Г.* Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999–2009 гг. Библиографический обзор // *Цензура в России: история и современность*. Вып. 5. С. 358–376.

⁹*Жирков Г.В.* Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов: учеб. пособие. СПб., 2011; *Есин Б.И.* История русской журналистики (1903–1917): учебно-методический комплект. М.: Флинта; Наука, 2009; *Его же.* История русской журналистики XIX века: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». М.: Изд-во МГУ, 2008; *Нетужилов К.Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб.: Изд-во РХГА, 2009; *Сонина Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004; *Век Просвещения*. Вып. 2: Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: в 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008.

¹⁰*Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания. Записки. Документы / Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2005; *Суворин А.С.* Дневник. М.: Изд-во «Новости», 1992; *Кауфман А.Е.* За кулисами печати (Из воспоминаний старого журналиста). СПб., 2011.

фессора Санкт-Петербургского университета А.В. Никитенко¹¹. В этом дневнике, считающемся в своем роде источником «первоклассного значения»¹², вопрос о духовной цензуре практически не затрагивается, если не считать нескольких общих характеристик этого ведомства в период правления императора Николая I и упоминания «анекдота», ставшего уже классическим. В своем дневнике от 16 марта 1834 г. А.В. Никитенко записал со слов протоиерея Феодора Сидонского о том, как митрополит Московский «Филарет жаловался Бенкендорфу на один стих Пушкина в «Онегине». Там, где он, описывая Москву, говорит: “и стая галок на крестах”. Здесь Филарет нашел оскорбление святыни. Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что “галки, сколько ему известно, действительно садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь более всего московский полицмейстер, допускающий это, а не поэт и цензор”. Бенкендорф отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа: “еже писах, писах”»¹³.

Практически во всех вышеперечисленных работах, за редким исключением, о духовной цензуре или вообще ничего не говорится, или говорится, но только вскользь. Это выглядит тем более странным, что современники считали эту цензуру самой строгой, что означает, что духовные цензоры через свои разрешения и запреты не могли не влиять не только на богословскую, но и на светскую литературу, в которой так или иначе затрагивались религиозные вопросы¹⁴.

Если говорить о работах, посвященных именно духовной цензуре, то они также появляются в самом начале XIX вв. В 1862 г. в «Православном обозрении» и «Духе христианина» появилось сразу несколько статей о возможных реформах духовной цензуры¹⁵. В 1865 г. известный публицист и общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения И.С. Аксаков также до-

¹¹Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. М.: Захаров, 2005.

¹²Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. С. 242.

¹³Никитенко А.В. Записки и дневник... Т. 1. С. 325.

¹⁴См. подробнее: Карпук Д.А. Духовная цензура в Российской империи в середине XIX века (на примере деятельности Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Труды Перевинской православной духовной семинарии. 2012. № 6 (3). С. 65–69.

¹⁵Нужно ли преобразование духовной цензуры? // Православное обозрение. 1862. Март. С. 97–105; Письмо к редактору по поводу статьи «Нужно ли преобразование духовной цензуры»? // Православное обозрение. 1862. Май. С. 4–10; Филиппов Т.И. Замечания о VI главе цензурного устава // Дух христианина. 1862. № 9. С. 33–67; № 10. 76–118.

вольно эмоционально высказывался о духовной цензуре¹⁶. Первые статьи, таким образом, стали отображением тех споров, которые велись вокруг вопроса о реформе духовной цензуры.

Следующей работой о духовной цензуре, обращающей на себя внимание, является двухтомное сочинение профессора СПбДА Д.И. Ростиславова «О православном белом и черном духовенстве в России»¹⁷. В соответствующем разделе автор описывает деятельность Санкт-Петербургского цензурного комитета именно в середине 60-х гг. XIX в. Вполне ожидаемо он характеризует институт духовной цензуры исключительно в отрицательном ключе, указывает только на негативное ее влияние на духовную литературу, приводя соответствующие примеры. Общее отношение автора к этому явлению можно было бы выразить его же словами: «Вы браните светскую цензуру? Эх! Познакомьтесь с духовной, тогда первая вам покажется чудом снисходительности»¹⁸.

Отдельный интерес представляет цикл статей, опубликованных в газете А.И. Поповицкого «Церковно-общественный вестник»: «Епархиальная цензура»¹⁹ и «Комиссия по пересмотру законов о печати и духовная цензура»²⁰. В данных материалах духовная цензура оценивается исключительно в негативном ключе. В это же время появляется статья одного из самых образованных и деятельных синодальных архиереев — епископа Амвросия (Ключарева)²¹. Чуть позже, уже в начале XX в., с небольшими, но чрезвычайно эмоциональ-

¹⁶Аксаков А.С. О смешении церковного с государственным, по поводу слухов о новом проекте духовного цензурного устава («День», 18 сентября 1865 г.) // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. М., 1886. С. 35.

¹⁷Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. Т. 1. Рязань, 2011. С. 27–38.

¹⁸Там же. С. 29.

¹⁹Епархиальная цензура // Церковно-общественный вестник. 1880. № 54. 7 мая. С. 1–2; № 55. 9 мая. С. 1–2; № 60. 21 мая. С. 1–2.

²⁰Комиссия по пересмотру законов о печати и духовная цензура // Церковно-общественный вестник. 1880. № 136. 14 ноября. С. 1–2; № 137. 16 ноября. С. 1–3; № 139. 21 ноября. С. 1–3; № 140. 23 ноября. С. 1–3.

²¹Амвросий (Ключарев), еп. Два публичных чтения о свободе печати с точки зрения Православной Церкви. М.: Синод. тип., 1882; См. также: Амвросий (Ключарев), еп. Об удешевлении религиозно-нравственных брошюр для народного чтения // Церковный вестник. 1884. № 41. С. 2–3.

ными публикациями выступают профессор протоиерей Павел Светлов²² и В.В. Розанов²³.

Все упомянутые работы о духовной цензуре следует отнести к публицистике. Что касается научных исследований по истории этого ведомства, то они появляются только в самом начале XX в. Профессор СПбДА по кафедре канонического права Т.В. Барсов в 1901 г. в академическом журнале «Христианское чтение» опубликовал цикл статей на тему «О духовной цензуре в России»²⁴. Обращаясь к данной проблематике в контексте изучения истории синодальных учреждений, Т.В. Барсов вполне справедливо констатировал отсутствие подобных научных исследований в церковной историографии²⁵. В своей работе профессор дает определение духовной цензуре, указывает на ее необходимость в Церкви. История цензуры рассмотрена, начиная с Киевской Руси и вплоть до начала XIX в.

Крупнейшим исследователем духовной цензуры стал выпускник СПбДА А.Н. Котович, который по предложению исполняющего должность доцента СПбДА по кафедре истории русской Церкви А.В. Карташева изучал в рамках написания кандидатского сочинения вопрос о состоянии цензуры в первой половине XIX в. Тема была закреплена в 1903 г., а уже через год А.Н. Котович представил солидное сочинение, которое сохранилось и находится в настоящее время в ОР РНБ²⁶. В 1909 г. сочинение в переработанном и дополненном виде²⁷ было представлено на соискание ученой степени магистра богословия²⁸. Защита, которая состоялась только в мае 1910 г., прошла вполне успешно²⁹, хотя далеко не все члены академического совета были согласны с высокими оценками официальных рецензентов. Не согласен был с решением совета СПбДА и Св. Синод. Котович за свою работу о духовной цензуре по цензурным соображе-

²²Светлов П.Я., прот. Духовная цензура (Pia desideria русского богослова по поводу 8-го пункта Высочайшего указа 12 декабря). СПб., 1905.; *Его же*. Церковное обновление и духовная цензура. СПб., 1905.

²³Розанов В.В. Собрание сочинений. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.) / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 369–374.

²⁴Барсов Т.В. О духовной цензуре в России // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 691–719; № 6. С. 966–998; № 7. С. 110–130; № 8. С. 238–257; № 9. С. 390–404.

²⁵Там же. С. 693.

²⁶ОР РНБ. Ф. 574. Д. 96.

²⁷Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909.

²⁸Магистерский коллоквиум А.Н. Котовича // Церковный вестник. 1910. № 20. Стлб. 616.

²⁹См. отзыв профессора А.И. Пономарева: Журналы заседаний совета СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 185–186.

ниям не был утвержден в ученой степени магистра богословия. Дело, правда, на этом не закончилось и в 1917 г. утверждение его в искомой степени все же состоялось³⁰.

А.Н. Котович после своей неудачной защиты в 1910 г. продолжил исследования по истории духовной цензуры. В 1911 г. в очередном выпуске «Православной энциклопедии» он опубликовал несколько основательных статей по истории духовной цензуры³¹. К одной из последних дореволюционных работ по этому вопросу следует отнести обзорную статью П.И. Исполатова³².

О духовной цензуре писали в общих курсах по каноническому праву. В данном случае следует указать на работы двух профессоров — А.С. Павлова³³ и И.С. Бердникова³⁴, которые в своих учебных пособиях уделяют сравнительно большое внимание институту духовной цензуры. Оба автора настаивают на безусловной необходимости данного учреждения и предлагают читателю краткие очерки о времени создания и деятельности духовно-цензурных комитетов. В современном учебном пособии по каноническому праву протоиерея Владислава Цыпина этот вопрос также рассматривается, но очень кратко³⁵.

В советской историографии должного внимания изучению истории духовной цензуры по понятным причинам не уделялось. Тем не менее, некоторый интерес представляют политически ангажированные работы Е.Ф. Грекулова. В своих сочинениях он, конечно, не проводит детального исследования состояния духовного цензурного ведомства со всеми его особенностями, как по-

³⁰См. подробнее: Карпук Д.А. Алексей Николаевич Котович — исследователь духовной цензуры России // Православный собеседник. 2011. Вып. 1 (21). С. 46–58.

³¹Котович А.Н. Комитеты духовно-цензурные // Православная энциклопедия. Под ред. проф. Н.Н. Глубоковского. Т. XII. Книги символические — Константинополь. СПб., 1911. Стлб. 478–488; Он же. Комитеты духовно-цензурные // Там же. Стлб. 478–488; Его же. Комитет для рассмотрения вредных книг // Там же. Стлб. 488–491.

³²Исполатов П.И. Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 2. С. 84–86; № 3. С. 129–133; № 4. С. 188–195; № 5. С. 241–244; № 6. С. 289–293; № 7. С. 344–347.

³³Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. С. 288–298.

³⁴Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань: Типо-литография императорского университета, 1913. С. 58–59, 259–282.

³⁵В издании за 2009 г. в разделе о духовной цензуре утверждается, что «в наше время в Русской Православной Церкви нет цензурного учреждения, а ответственность за православный характер книг и журнальных статей, печатаемых официально от лица Церкви, несет священноначалие, возглавляемое первоиерархом и Священным Синодом, а также действующий под его руководством Издательский совет». Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2009. С. 581.

ложительными, так и отрицательными. Задача, которая стояла перед сотрудником «Союза воинствующих безбожников» сводилась к поиску, выявлению и публикации всех фактов, изобличающих и свидетельствующих об отрицательном влиянии духовных цензоров на публикацию и распространение сочинений атеистического, социалистического и научного содержания. И если с общими выводами Е.Ф. Грекулова можно не соглашаться, то выявленные им сведения и факты (большой частью опубликованные) заслуживают всяческого внимания³⁶.

В 1989 г. под научной редакцией профессора А.И. Клибанова был выпущен сборник статей «Русское Православие: веки истории»³⁷. Сборник состоит из нескольких тематических статей, одна из которых посвящена состоянию духовной цензуры в синодальный период: «Цензурная политика Церкви в XIX – начале XX в.»³⁸ В данной главе на основании неопубликованных архивных материалов, опубликованных уставов и законодательных актов, мемуаров и воспоминаний деятелей культуры автор Г.С. Лялина представляет небольшую зарисовку из истории духовной цензуры в царский период. Духовная цензура рассматривается в контексте истории цензуры светской. Автор вводит в научный оборот некоторые новые сведения и делает несколько интересных замечаний и наблюдений. Общий вывод о духовной цензуре звучит так: «Это была самая строгая и самая придирчивая цензура»³⁹.

В 2008 г. Архиерейский собор Русской Православной Церкви одним из своих постановлений актуализировал вопрос о возможности введения в настоящее время духовной цензуры, правда, под другим наименованием⁴⁰. В результате, в июне и в июле того же 2008 г. на портале «Богослов.ру» были опубликованы две небольшие обзорные статьи, посвященные истории духовной цензуры. Автор первой публикации, протоиерей Александр Задорнов, демонстрирует в целом доброжелательное отношение к цензуре и в своей статье практически не

³⁶ Грекулов Е.Ф. Как российское духовенство душило печать. М., 1930; *Его же*. Православная Церковь — враг просвещения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962; *Его же*. Православная инквизиция в России. М.: Изд-во «Наука», 1964.

³⁷ Русское Православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989. С. 7–8.

³⁸ Там же. С. 463–500.

³⁹ Там же. С. 499.

⁴⁰ Определение Священного Синода от 25 декабря 2009 года об издательской деятельности // Сайт Издательского Совета. URL: http://izdatsovet.ru/doc/index.php?ELEMENT_ID=801 (дата обращения: 05.05.2015).

затрагивает острые и болезненные вопросы⁴¹. Спустя месяц на указанном портале была опубликована статья петербургского историка М.А. Антипова, который не столь благожелателен к духовно-цензурным комитетам синодальной эпохи⁴². Не сгущая краски, автор на конкретных примерах демонстрирует разные степени вмешательства духовных цензоров в авторский текст⁴³.

Сделанный историографический обзор свидетельствует о том, что, с одной стороны, вопрос о цензуре в Российской империи является одним из тех направлений, которое в настоящее время интенсивно разрабатывается. С другой стороны, вопрос о духовной цензуре, возможно в силу своей специфичности, остается практически неизученным. Вместе с тем, влияние духовной цензуры не только на религиозную, но и на светскую литературу было достаточно серьезным.

Институционализация духовной цензуры в XVIII – первой половине XIX вв.

Духовная цензура в России развивалась по мере увеличения книжной продукции. Пока книги оставались рукописными, а их число незначительным по количеству, цензурно-охранных указаний со стороны высшей церковной власти было немного, хотя отдельные распоряжения встречаются уже в Древней Руси⁴⁴. Более определенно о важности и необходимости духовной цензуры заявляли уже члены Стоглавого Собора⁴⁵. Впрочем, вплоть до конца XVIII в. контроль за духовной литературой носил спорадический характер. Цензура возлагалась,

⁴¹Задорнов А., *прот.* Церковная цензура: прошлое и перспективы // Сайт Богослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/305703.html> (дата обращения: 05.05.2015).

⁴²Антипов М.А. Деятельность Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры как издательской структуры в XIX–начале XX вв. // Сайт Богослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/311692.html> (дата обращения: 05.05.2015).

⁴³Не затрагивается, к сожалению, вопрос о духовной цензуре в современных обобщающих работах по истории Русской Православной Церкви второй половины XIX в. См. *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1999; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2006. Исключением является только работа М.В. Никулина. См. *Никулин М.В.* Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х и конец 1870-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 119–135.

⁴⁴См.: *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России.... С. 700–705; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права... С. 65.

⁴⁵Стоглав. Казань: Тип. Губернского правления, 1862. С. 125–126.

как правило, на справщиков⁴⁶, чью деятельность, в свою очередь, контролировало священноначалие. Указы русских патриархов издавались по мере необходимости. Процесс институционализации духовной цензуры начинается уже только со времен императора Петра I. 5 октября 1720 г.⁴⁷ вышел указ Сената о запрете печатать церковные книги без предварительной цензуры. Поводом послужили издания Киевской и Черниговской типографий. Так, в некоторых книгах была обнаружена «люторская противность». Кроме того, в указе говорилось, что в вышеназванных типографиях печатали учебные часословы по заказу старообрядцев⁴⁸. Меньше чем через полгода, в январе 1721 г., был издан «Духовный регламент», в котором отмечалось, что отныне обязанность рассматривать и одобрять к публикации богословские сочинения возлагалась именно на Св. Синод⁴⁹.

Таким образом, Св. Синод с момента своего учреждения и вплоть до 1917 г. взял под собственный контроль издание и распространение всей религиозной литературы в России. Однако расширение сферы надзора и увеличение числа книг, требующих апробации, со временем стало отягощать высший церковный орган. Поэтому со временем Синод стал поручать рассмотрение сочинений не только своим членам, но и епархиальным архиереям, синодальным переводчикам, преподавателям Александро-Невской семинарии. И уже на основании их отзывов и донесений выносил то или иное свое итоговое решение⁵⁰.

Кроме того, увеличение книжной продукции побудило Синод еще в середине XVIII в. ходатайствовать перед императрицей Елизаветой Петровной об учреждении особой «переводческой конторы с искусными и вероятно достойными цензорами»⁵¹. Тогда это ходатайство не было удовлетворено. Но к концу столетия ситуация изменилась коренным образом. Количество типографий,

⁴⁶При типографии находилось особое учреждение «Правильня», где справщики занимались исправлением текста и корректурой печатавшихся книг. *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права... С. 268.

⁴⁷Издатель известной в 1860–1870-е гг. газеты «Церковно-общественный вестник» А.И. Поповицкий считал, что датой появления цензуры в России является именно 5 октября 1720 г. См. Комиссия по пересмотру законов о печати и духовная цензура // *Церковно-общественный вестник.* 1880. № 136. 14 ноября. С. 2.

⁴⁸Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870. С. 9–10.

⁴⁹Духовный регламент, тшанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санкт-Петербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. Изд. 2-е. М.: Синод. тип., 1861. С. 81.

⁵⁰*Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 123.

⁵¹*Котович А.Н.* Комитеты духовно-цензурные... Стлб. 478

особенно после издания в 1783 г. указа о вольных типографиях, а вместе с ними — и выпускаемых книг, увеличилось в разы⁵². Как итог, 16 сентября 1796 г. был издан указ, согласно которому закрывались практически все частные типографии и одновременно с этим учреждались смешанные цензурные комитеты в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и на Радзивилловской таможене. В состав комитетов помимо двух светских цензоров был включен и уполномоченный Св. Синодом духовный цензор.

Наконец, в 1799 г. в качестве самостоятельного учреждения под контролем Св. Синода была создана духовная цензура, располагавшаяся в московском Донском монастыре⁵³. В 1804 г. был принят первый светский цензурный устав, который, впрочем, включал в себя положения и о духовной цензуре. Духовным цензорам предоставлялось право цензурировать не только духовные сочинения, но и вообще все произведения, имеющие какое бы то ни было отношение к вере. При проведении реформы духовного образования (1808–1814 гг.) было решено, по образцу светской модели функционирования цензурных комитетов при университетах, присоединить духовную цензуру к духовным академиям.

В 1814 г. состоялся первый выпуск СПбДА, был утвержден первый академический устав, а также была открыта Московская духовная академия. Одновременно при академиях в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены два духовно-цензурных комитета. Эта связь между цензурой духовной литературы и высшими богословскими учебными заведениями была законодательно закреплена практически на полстолетия. Проведенная реформа должна была качественно улучшить ситуацию в сфере цензурирования религиозной литературы, но на практике все оказалось несколько иначе. Дело в том, что согласно уставу духовных академий 1808–1814 гг. оба цензурных комитета подчинялись Комиссии духовных училищ, в то время как Московская духовная цензура при Донском монастыре подчинялась непосредственно Св. Синоду. Первоначально комитет при Петербургской академии все серьезные и спорные сочинения и рукописи передавал в Московскую цензуру, ссылаясь на свою некомпетентность. Такое положение вызывало раздражение даже у министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына. На основании его доклада в 1818 г. Св. Синод принял решение о закрытии цензурного комитета в Донском монастыре.

⁵²Цапина О.А. Церковная цензура и светские типографии в России во второй половине 1770-х–начале 1790-х годов // Век Просвещения. Вып. 2: Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: в 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 247–262.

⁵³См. Карпук Д.А. Духовная цензура. Основные вехи из истории духовно-цензурных комитетов в синодальный период // Православное книжное обозрение. 2014. Январь. № 1 (36). С. 42–51.

Однако дело затянулось вплоть до 1828 г.⁵⁴, когда 22 апреля был утвержден одновременно с уставом светской цензуры первый и, как показала дальнейшая история, последний устав духовной цензуры. Устав 1828 г. стал важнейшим законодательным документом в сфере духовной цензуры практически на целое столетие, т. е. вплоть до 1917 г.⁵⁵

С 1828 г. Санкт-Петербургский и Московский духовные цензурные комитеты, действовавшие при духовных академиях, возглавили деятельность Церкви по контролю за выпускаемой религиозной литературой. Киевская духовная академия была открыта лишь в 1819 г. и в том же году начал работать её цензурный комитет. Казанская духовная академия была открыта только в 1842 г., а духовно-цензурный комитет при ней начал работу с 1845 г. Полномочия Киевского и Казанского комитетов были незначительными, они могли рассматривать только небольшие по объему сочинения, поступавшие от лиц «собственно из училищного ведомства»⁵⁶. Санкт-Петербургский же духовно-цензурный комитет с самого начала своей деятельности выдвинулся на первый план. И «по самому своему положению вблизи центральных учреждений, должен был нередко исполнять непосредственные поручения Синода и фактически пользовался особенным влиянием сравнительно с комитетами провинциальными»⁵⁷.

В своей цензурной деятельности Св. Синод опирался не только на академические духовно-цензурные комитеты. Иногда, отвечая на вызовы времени, он был вынужден учреждать специальные, как показала их история, *временные* цензурные комитеты. К ним относится так называемый *Комитет для рассмотрения вредных книг*, который был создан при Санкт-Петербургской духовной академии в 1825 г. и просуществовал вплоть до 40-х гг.⁵⁸ 4 апреля 1851 г. при Св. Синоде был учрежден *Секретный цензурный комитет*, который осуществлял свою деятельность параллельно с подобным же секретным светским комитетом, образованным 2 апреля 1848 г. Но если светский секретный комитет прекратил

⁵⁴См. подробнее: *Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998; *Дворжанский А.И., Зелёв С.В.* Иннокентий (Смирнов), свт. // Православная энциклопедия. Т. XXII. М., 2009. С. 725–727.

⁵⁵На протяжении всего XIX и в начале XX вв. выходили многочисленные синодальные указы и постановления, призванные уточнить и разъяснить духовно-цензурное законодательство. См. *Исполатов П.И.* Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 2–7.

⁵⁶Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение III (1796–1869) / Под ред. Ф.И. Титова. Т. V. (1819–1869). К., 1913. С. XXII–XXVI.

⁵⁷*Котович А.Н.* Комитеты духовно-цензурные... Стлб. 481.

⁵⁸*Котович А.Н.* Комитет для рассмотрения вредных книг... Стлб. 488–491.

свою деятельность через несколько месяцев после восшествия на престол императора Александра II, то духовный просуществовал до 1860 г.⁵⁹

История духовной цензуры во второй половине XIX в.⁶⁰

С самого начала царствования императора Александра II, когда еще только заговорили о возможных реформах и преобразованиях, не сходил с повестки дня, естественно, и вопрос о пересмотре законов о печати. С момента издания последнего цензурного устава в 1828 г. накопилось большое количество дополнительных указов, распоряжений, инструкций и т.д., некоторые из которых даже противоречили друг другу. Члены цензурных комитетов часто жаловались, что им сложно разобраться во всем этом массиве законодательных актов и неплохо было бы их привести в некий порядок. В обществе в это же время активно велись разговоры о необходимости заменить предварительную цензуру карательной⁶¹.

С середины 50-х гг. XIX в. ситуация в ведомстве духовной цензуры существенным образом начинает меняться. В некоторых епархиях с 1860 г. начинают издаваться «Епархиальные ведомости», цензура которых была поставлена под контроль правящего архиерея, который, в свою очередь, назначал особого цензора из числа духовенства. К концу 60-х гг. число таких особых цензоров доходило уже до 30 человек⁶². В 1863 г. Синод издал указ, согласно которому, *Обществу восстановления православного христианства на Кавказе* было предоставлено право печатать церковные книги на местных горских наречиях под собственную цензуру, которая возлагалась на особую Комиссию из лиц, владевшими местными языками и диалектами⁶³. Другими словами, в конце 50-х и на протяжении 60-х гг. XIX в. цензурские полномочия активно раздавались как отдельным лицам, так и организациям. «Монополия» Санкт-

⁵⁹ Котович А.Н. Комитет секретный цензурный при Св. Синоде... Стлб. 491–497.

⁶⁰ См. подробнее: Карпук Д.А. Religious Censorship in the Russian Empire in the 1860th // Proceedings of the 1st International Conference on History and Political Sciences. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014. P. 45–50.

⁶¹ Предварительная цензура предполагала публикацию книги, журнала, газеты только после одобрения всех материалов цензурой. В таком случае ответственность за распространение того или иного произведения нес конкретный цензор, выдавший разрешение на публикацию. Карательная цензура заключалась в оценке произведений, уже вышедших в свет. См. Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И. Цензура в России XIX–начала XX вв. // Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. М., 2007. Т. 5. С. 775.

⁶² Котович А.Н. Комитеты духовно-цензурные... Ст. 485.

⁶³ РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Д. 2258. Л. 4. См. также: Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. С. 110–112; Бердников И.С. Краткий курс церковного права... С. 274.

Петербургского и Московского духовных цензурных комитетов при духовных академиях оказалась существенно поколебленной. Наконец, 30 мая 1869 г. был утвержден новый академический устав, согласно которому высшие духовные учебные заведения, по примеру университетов, отныне больше не занимались цензурой. Однако именно этот параграф был одним из главных пунктов духовного цензурного устава 1828 г.⁶⁴ Для многих тогда было понятно, что в создавшихся условиях необходимо было провести, как минимум, ревизию устаревшего устава. Была надежда, конечно, и на то, что высшее церковное руководство готово было пойти и на более радикальные преобразования в сфере церковной цензуры. Главный вопрос заключался в переходе от цензуры предварительной (более строгой) к цензуре карательной (более либеральной).

Для рассмотрения сложившейся ситуации в области печати и цензуры в 1862 г. императорским указом была учреждена под председательством князя Д.А. Оболенского комиссия для «составления проекта Устава о книгопечатании»⁶⁵. Комиссия должна была рассмотреть законодательство, относящееся именно к гражданской цензуре. Что же касается духовного ведомства, то в июне того же 1862 г. князь Оболенский обратился к обер-прокурору Св. Синода А.П. Ахматову с отношением, в котором отметил, что комиссия, с одной стороны, не собирается вторгаться в положения, относящиеся к духовной цензуре⁶⁶. С другой стороны, комиссия «полагает однако полезным внести в устав духовной цензуры те дополнения и изменения, которые, по указанию духовного ведомства, могут быть с пользою сделаны»⁶⁷. Устав духовной цензуры в сводном уставе всех цензурных узаконений Российской империи представлял собой VI главу (182–281 статьи)⁶⁸. Именно этот раздел и необходимо было рассмотреть духовному ведомству.

Обер-прокурор обратился к митрополитам Санкт-Петербургскому, Московскому и Киевскому с тем, чтобы они, в свою очередь, потребовали представить проекты о возможных преобразованиях в ведомстве духовной цензуры

⁶⁴ Именно с этого пункта и начинался устав духовной цензуры: «Цензура духовных книг, относящихся к православному исповеданию, зависит от академических конференций и составляемых при них цензурных комитетов». Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре... С. 87.

⁶⁵ См. подробнее: *Карпук Д.А.* Строгий цензор. Святитель Филарет Московский и вопрос о реформе духовной цензуры в 1862 году // *Православное книжное обозрение*. 2014. Февраль, № 2 (37). С. 64–72.

⁶⁶ *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907. С. 347.

⁶⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Отд. 1. Д. 158. Л. 1об.

⁶⁸ См. Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре... С. 87–110.

от академических конференций. Казанская духовная академия и действовавший при ней духовный цензурный комитет в данном случае были по каким-то причинам проигнорированы.

Первый ответ пришел из Киева уже в июле 1862 г. Записка была составлена ректором академии архимандритом Филаретом (Филаретовым) и профессорами Н.И. Щеголевым, В.П. Чеховичем, И.И. Малышевским, В.Ф. Певницким. Авторы проекта не предлагали каких-либо серьезных изменений в существующем уставе духовной цензуры. Больше всего внимания было уделено частным вопросам, не имеющим принципиального значения. Особого внимания заслуживают только следующие предложения. Во-первых, предлагалось приравнять Киевский духовно-цензурный комитет в правах с Петербургским и Московским комитетами. Во-вторых, авторы записки совершенно неожиданно потребовали не ослабления, а ужесточения цензурных правил⁶⁹. Сложно сказать, насколько эти профессора академии выражали свое мнение или это была попытка угодить своему высшему церковному начальству. Можно также предположить, что все эти предложения об ужесточении духовной цензуры делались осознанно, чтобы продемонстрировать свою благонадежность и получить столь желанное уравнение в правах с цензурой Московской и Санкт-Петербургской. Как бы то ни было, митрополит Киевский Арсений (Москвин) одобрил проект профессоров Киевской академии и, отправив его в Св. Синод, сопроводил его собственной запиской, в которой утверждал, что тщательный контроль за содержанием духовной литературы есть проявление настоящей христианской любви. Пособничество же свободе, т.е. распушенности и вседозволенности, владыка классифицировал не иначе как «подкоп и коварство»⁷⁰.

Авторы отзыва Санкт-Петербургской академической конференции — протоиереи Михаил Богословский и Иоанн Яхонтов, профессора В.Н. Карпов и И.А. Чистович — в вопросе о предварительной и карательной цензуре оказались отчасти солидарными с коллегами из Киева: «Желание отмены предупредительной сделалось господствующим в кругу светской литературы. Но комиссия по пересмотру цензурных постановлений находит не безвредною эту отмену по крайней мере в настоящее время. Положительно вредною надобно признать эту отмену для сочинений духовного содержания»⁷¹. Единственное, что авторы проекта решили изменить, так это отменить предварительную цензуру для ав-

⁶⁹РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Отд. 1. Д. 158. Л. 14об.

⁷⁰Там же. Л. 11–12.

⁷¹Там же. Л. 18об.–19.

торов в архиерейском сане и членов Синода, а также журналы, издаваемые духовными академиями. В последнем случае ответственность за благонадежность содержания должен был нести ректор учебного заведения⁷².

Московский проект, составленный ректором Вифанской семинарии архимандритом Никодимом (Белокуровым) и инспектором Московской академии архимандритом Михаилом (Лузиным), оказался самым прогрессивным. Московские духовные цензоры, как и их коллеги из столицы, предлагали освободить от цензуры слова и речи епархиальных архиереев, переводы творений св. отцов в периодических изданиях при духовных академиях, как, собственно, и саму академическую периодику⁷³. Также было предложено уравнивать в правах с Петербургом и Москвой два других цензурных комитета — Киевский и Казанский⁷⁴. Кроме того, московский цензурный комитет предлагал сочинения и переводы, содержащие изложение догматов православной веры, а также сочинения и переводы, относящиеся к церковному управлению, исключить из списка сочинений, которые подлежали обязательному цензурированию в Св. Синоде⁷⁵. Для своего времени последнее предложение было достаточно смелым.

На основании отзывов всех трех духовных академий был составлен сводный текст предложений, который и был отправлен в комиссию князя Оболенского. К началу 1863 г. комиссия подготовила проект и передала его в Министерство внутренних дел. Дело в том, что, согласно указу императора Александра II, гражданские цензурные комитеты в 1863 г. перешли в полицейское ведомство⁷⁶. В условиях такого серьезного межведомственного столкновения проекты комиссии князя Оболенского, работавшей под наблюдением министра народного просвещения А.В. Головнина, и сводный текст академических предложений пришлось на время отложить. В том же 1863 г. князь Оболенский возглавил уже новую комиссию для составления очередного закона о книгопечатании. На этот раз деятельность как членов комиссии, так и графа П.А. Валуева принесла результат в виде известных Временных правил о цензуре и печати от 6 апреля 1865 г. Что же касается предложений со стороны духовного ведомства, то о них позабыли вплоть до 1869 г., когда была образована комиссия под пред-

⁷² Там же. Л. 19об.

⁷³ Там же. Л. 33об.

⁷⁴ Там же. Л. 38об.

⁷⁵ Там же. Л. 31.

⁷⁶ Джанишиев Г.А. Эпоха великих реформ... С. 348–349; Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И. Цензура в России... С. 783.

седательством архиепископа Макария (Булгакова) по реформированию именно устава духовной цензуры.

Согласно Временным правилам от 6 апреля 1865 г. от предварительной цензуры освобождались все периодические издания, редакции которых заявили о желании выходить без цензуры, оригинальные сочинения объемом от 10 печатных листов и переводные объемом не менее 20 листов. Все это, правда, относилось только Санкт-Петербургу и Москве. «Освобождение от предварительной цензуры книг большого объема обосновывалось на соображениях, что такие книги ориентированы в основном на образованную и достаточно обеспеченную публику, а «простой» читатель (неприкосновенность и политических представлений, и «нравственность» которого особенно старалась охранять цензура), как правило, довольствуется массовыми изданиями меньшего размера»⁷⁷. Все издания, вышедшие без предварительной цензуры, подлежали, в случае нарушения ими цензурных и других законов, судебному преследованию, а периодические издания — административным взысканиям.

Вместе с тем, правила 1865 г. были временными. Очевидно, что нужно было выработать нормальный цензурный устав. С этой целью 2 ноября 1869 г. была учреждена еще одна особая комиссия для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати и для приведения их в соответствующую систему. Председателем комиссии был назначен князь С.Н. Урусов. Одновременно с этим и в духовном ведомстве была образована комиссия под председательством архиепископа Литовского Макария (Булгакова), которая должна была разработать проект изменений в области духовной цензуры⁷⁸. В её состав помимо архиепископа Макария также вошли сотрудник Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Ефрем, протоиерей Иоанн Яхонтов, профессор СПбДА И.А. Чистович, юрист-консультант при обер-прокуроре Св. Синода В.А. Степанов, исполняющий должность директора канцелярии обер-прокурора И.А. Ненарокомов и член той же канцелярии А.И. Забелин⁷⁹.

В своем итоговом документе, представленном на рассмотрение Св. Синода, члены комиссии кратко изложили основные вехи духовной цензуры в России, отметив в самом начале своего проекта, что, по примеру Греции, от которой

⁷⁷ Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И. Цензура в России... С. 783.

⁷⁸ См. подробнее Карнук Д.А. Попытка реформы. Митрополит Макарий (Булгаков) как духовный цензор и председатель комиссии 1870 года по реформе духовной цензуры // Православное книжное обозрение. 2014. Март. №3 (38). С. 46–53.

⁷⁹ РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Д. 2258. Л. 3; Комиссия по пересмотру законов о печати и духовная цензура // Церковно-общественный вестник. 1880. 16 ноября. № 137. 16 ноября. С. 1.

Россия приняла Православие, пастыри церковные с самого начала «зорко следили за непоявлением в России книг ложных “отреченных” и убеждали православных не читать сих книг, а читать лишь книги истинные, для чего и перечисляли по именам те и другие»⁸⁰. Появление института духовной цензуры авторы проекта связывали со временем Петра I и указом Сената от 5 октября 1720 г.

По мнению членов комиссии внешними исправлениями устава дело уже не могло ограничиться. Тем более, что после принятия временных правил о гражданской цензуре 6 апреля 1865 г. светская цензура существенно продвинулась в сторону карательной, оставляя все меньше и меньше пространства для цензуры предварительной. И по мере этого отдаления все больше нарастало напряжение между светскими и духовными цензурными комитетами. Комиссия архиепископа Макария об этом прямо и заявила: «Недостатки предварительной цензуры стали ярче выказываться и отношения между цензурами духовною и светскою стали еще неопределеннее. <...> Устав духовной цензуры современно отделяет ее от цензуры светской, но не указывает точных границ между областями той и другой цензуры, особенно по предметам соприкосновенным. Отсюда происходят весьма многие невыгодные последствия и для авторов, и для издателей, и для самых цензурных установлений»⁸¹.

Таким образом, бывшие (Яхонтов, Чистович) и действующие (архимандрит Ефрем) духовные цензоры под председательством владыки Макария пришли к очевидному выводу, что проблем в духовном цензурном ведомстве достаточно. Осталось только предложить пути выхода из сложившейся ситуации. Некоторые из этих путей напрашивались сами собой. Например, было очевидно, что нужно хотя бы частично отказаться от предварительной цензуры. Поэтому комиссия предложила повторить опыт Временных правил 1865 г. и освободить от предварительной цензуры: а) повсеместно в России: 1) все издания Св. Синода и епархиальных архиереев; 2) все издания духовных академий и духовных учебных обществ; 3) все издания духовного содержания (т.е. творения св. отцов и учителей Церкви и все другие произведения древней богословской литературы) на древних классических языках, а также и переводы с этих языков; 4) все сочинения священнослужителей духовно-нравственного содержания; 5) брошюры, в которых содержались выписки из творений св. отцов, молитвы и песнопения из богослужебных книг и литографические священные изображения, издаваемые священнослужителями; б) в обеих столицах, т.е. в Санкт-Петербурге

⁸⁰РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Д. 2258. Л. 3об.

⁸¹Там же. Л. 4–4об.

и Москве: 1) все духовные периодические издания, если издатели сами того пожелают, с освобождением от обязанности вносить залог, налагаемый на издателей светских газет и журналов; 2) все оригинальные духовные сочинения объемом не менее 10 печатных листов, а переводные не менее 20 печатных листов⁸².

Наконец, комиссия предлагала совсем упразднить столичные духовные цензурные комитеты, а их членов ввести в состав гражданских цензурных комитетов: «Духовная цензура должна быть соединена с светскою в одну общую цензуру под заведыванием *Главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел* и соединена так, чтобы не могло произойти никакой опасности для веры и Церкви, и нимало не нарушались права церковной власти Св. Синода»⁸³. По мнению членов комиссии, такое сотрудничество было бы полезно и эффективно и для непосредственного контроля за литературой и в плане экономическом (сокращение штатов привело бы к уменьшению расходов на оплату цензорского труда)⁸⁴.

Проект комиссии был предоставлен в Св. Синод 10 мая 1870 г. Рассмотрев предложения комиссии архиепископа Макария (Булгакова) и внося поправки, высший церковной орган утвердил все предложения указом от 20 января 1871 г. Дальше проект преобразований в виде синодального определения был передан в комиссию князя Урусова, последнее заседание которой состоялось 6 ноября 1871 г. Выработанный проект предполагал значительное смягчение законов о печати. Однако проект так и не получил дальнейшего хода в законодательном порядке. Точная причина неизвестна, но чаще всего исследователи связывают отказ от реформ в области цензуры с начавшимися политическими процессами.

Спустя ровно 10 лет, в 1881 г., когда обер-прокурором Св. Синода стал К.П. Победоносцев, дело о реформе устава духовной цензуры вновь рассмотрели на заседании Св. Синода. Новое решение, датированное 20 мая 1881 г., гласило, что указ Синода «от 20 января 1871 года оставить ныне без последствий»⁸⁵. В русской церковной истории наступал новый период, когда правила духовной цензуры не ослаблялись, а, наоборот, все более ужесточались.

⁸²Там же. Л. 4об.–5.

⁸³Там же. Л. 5.

⁸⁴Там же. Л. 4об.

⁸⁵Там же. Л. 17.

Положение духовной цензуры в начале XX в.

В самом начале XX в. вопрос о смягчении цензурного режима был вновь актуализирован. Императором было создано Особое совещание по составлению нового устава о печати. В работе этого совещания приняли участие духовный цензор епископ Антонин (Грановский) и профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей А.В. Рождественский⁸⁶.

События первой русской революции затронули, естественно, и сферу печати. Именными Высочайшими указами от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г. предварительная цензура (как светская, так и духовная), выходящих в России сочинений и периодических изданий, была отменена. Однако это вовсе не означало, что духовная цензура прекратила на этом свое существование. В том же 1906 г. Св. Синод поспешил разъяснить ситуацию по поводу духовной цензуры для всех церковных издателей и авторов. В соответствующих указах⁸⁷ говорилось, что государственным законом не было устранено право духовной власти наблюдать за изданиями религиозного характера, например, за содержанием и направлением епархиальных ведомостей, а также за литературно-публицистической деятельностью церковно-должностных лиц. Закон о свободе печати также не снимал с лиц, служащих Церкви, необходимости испрашивать у церковного руководства, независимо от разрешения гражданской власти, благословение на издание периодики. Церковная власть сохраняла за собой право запретить то или иное издание, если в его программе будут усмотрены положения, противоречащие учению и правилам Православной Церкви. Кроме того, церковная власть имела право подвергнуть нарушителя церковно-дисциплинарному взысканию. Таким образом, согласно разъясняющим определениям Св. Синода, церковная власть пользовалась правом наблюдения и дисциплинарного взыскания ко всякой литературной деятельности лиц, несущих послушание в Церкви⁸⁸.

Кроме того, именно в начале XX столетия отдельные церковные иерархи и священнослужители начинают реагировать на продукцию киноиндустрии. Известно о нескольких запретительных инициативах. Впрочем, окончательного

⁸⁶ *Лихоманов А.В.* Особое совещание по составлению нового устава о печати 1905 г.: персональный состав // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных работ. Вып. 2.* СПб., 2005. С. 35-69; *Протоколы высочайше учрежденного особого совещания для составления нового устава о печати.* СПб., 1913; РГИА. Ф. 797. Оп. 75. П отд. 3 ст. 1905 г. Д. 208а.

⁸⁷ См. *Церковные ведомости.* 1906. № 33. С. 375-376; № 48. С. 505-507.

⁸⁸ *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права... С. 59.

законодательного оформления предложенные проекты, насколько это известно, получить не успели⁸⁹.

Во время Первой мировой войны духовенство участвовало в работе Комитета народных изданий, созданного в 1914 г. при *Главном управлении по делам печати*. В декабре 1916 г. по указанию императора Св. Синод собрал совещание для обсуждения вопроса «о современной печати с точки зрения моральной ценности как общего направления, так и отдельных произведений ее в связи с ее влиянием на общество и народ»⁹⁰. События 1917 г. поставили точку в истории духовной цензуры в Российской империи.

Даже краткий и поверхностный обзор истории духовной цензуры в синодальный период демонстрирует, что деятельность данного института настолько обширна, что начинать ее исследование необходимо с изучения работы одного из комитетов. Первым из действовавших в Российской империи духовно-цензурных комитетов являлся Санкт-Петербургский. Поэтому изучение именно данного учреждения на начальном этапе можно считать вполне целесообразным и оправданным. Сохранившаяся до настоящего времени делопроизводственная документация Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) является весьма важным источником.

Деятельность Св. Синода в сфере духовной цензуры по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета⁹¹

Духовно-цензурные комитеты ежегодно отправляли в Синод отчеты, в которых, согласно цензурному уставу, указывали все сочинения, поступившие на рассмотрение. В отчетах указывалось время поступления сочинения, имя цензора или цензоров, рассматривавших рукопись. Наконец, главное, в отчетах отмечалось, какие из рукописей пропущены, какие нет, и по каким причинам. Кроме того, Св. Синод оставил за собою право быть апелляционной инстанцией для всех авторов, переводчиков и издателей, в случае их недовольства определением того или иного духовно-цензурного комитета. Решение высшего церковного органа обжалованию уже не подлежало⁹². Кроме того, в уставе духовной цензуры 1828 г. указывалось, какие именно категории книжной продукции мог разрешить к выпуску исключительно Синод: «Определения, или мнения о книгах,

⁸⁹РГИА. Ф. 797. Оп. 86. II отд. 3 ст. 1916 г. Д. 221; Д. 427.

⁹⁰Лялина Г. С. Цензурная политика церкви в XIX – начале XX в. ... С. 500.

⁹¹См. подробнее: Карпук Д. А. Высший орган духовной цензуры // Православное книжное обозрение. 2014. Апрель. № 4 (39). С. 54–60.

⁹²Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб., 1909. С. 201–202.

назначаемых для общественного употребления и заключающих в себе: а) вновь назначаемые к печатанию сочинения, к церковному служению относящиеся; б) жизнеописания святых, в первый раз издаваемые; в) сочинения и переводы, содержащие изъяснения целых книг Священного Писания; г) сочинения и переводы, содержащие изложение догматов православно-кафолическия веры и правил христианской деятельности; д) сочинения и переводы, относящиеся к церковному управлению, — Комитет представляет Святейшему Синоду, и не прежде пропускает таковые сочинения и переводы к напечатанию, как по рассмотрении и разрешении Святейшего Синода»⁹³.

Такое положение дел, когда именно Синод являлся высшим духовным цензурным органом, в 1860-е гг. подверглось не только обсуждению, но и критике на страницах даже церковной периодической печати. Так, некий анонимный автор поместил в журнале «Православное обозрение» статью, в которой отмечал: «Святейший Синод есть постоянный Собор Русской Церкви: его одобрение, данное той или другой книге, есть как бы канонизация самой книги. Каковы же должны быть достоинства книги, одобряемой Синодом? Эти достоинства должны быть достоинствами не учеными только, но еще церковными. <...> Может ли Св. Синод приять ответственность пред церковию за каждое выражение, за каждое слово пропущенной им книги?»⁹⁴ Данное замечание представляется чрезвычайно важным и одним из самых принципиальных в вопросе о важности или ненужности, пользе или вреде духовной цензуры. Однако этот вопрос так и не был не только решен, но даже серьезно никогда и не обсуждался вплоть до 1917 г.

В последующее время параграфы духовно-цензурного устава 1828 г. ещё неоднократно дополнялись, детализировались, уточнялись все новыми и новыми синодальными указами, распоряжениями, инструкциями. Например, без ведома Св. Синода запрещалось разрешать к печати сочинения: а) заключающие в себе сведения и материалы о современных лицах и событиях (указ от 17–22 февраля 1850 г.); б) содержащие в себе сведения о ранее неизвестных чудесах (указ от 26 июля – 18 августа 1850 г.); в) в которых имеются выдержки из синодальных решений и указов (указ от 1–10 февраля 1852 г.)⁹⁵. Указом от 28 февраля 1862 г. Синод предписал Санкт-Петербургскому духовному

⁹³Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870. С. 67.

⁹⁴Нужно ли преобразование духовной цензуры? // Православное обозрение, 1862. Март. С. 103.

⁹⁵Исполатов П.И. Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы // Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. №6. С. 289.

цензурному комитету, чтобы «доставляемые в комитет статьи, заключающие в себе описание недостатков православного духовенства, проекты к улучшению оною и т.п., предварительно пропуска к печатанию, предоставляемы были на рассмотрение и разрешение преосвященному митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому»⁹⁶.

Таким образом, контакты между Санкт-Петербургским и Московским цензурными комитетами и Синодом были достаточно интенсивными. Если рукопись, которая попадала на просмотр духовного цензурного комитета, подпадала под одну из синодальных инструкций, то духовный цензор, очевидно, должен был отнестись к ней с особым вниманием и тщанием. Если цензора что-то не устраивало, то он запрещал рукопись к публикации и комитет возвращал её автору, переводчику или издателю. Если же цензор считал, что рукопись может быть опубликована, то тогда решением комитета сочинение направлялось в Синод с уведомлением, что, согласно мнению духовной цензуры, оно может быть опубликовано. Теперь уже не только автору, но и просматривавшему рукопись цензору приходилось ожидать вердикта высшей церковной власти. Св. Синод, в свою очередь, для вынесения окончательного оценочного суждения назначал внешнего рецензента, решение которого и становилось официальным решением высшего церковного органа.

При выявлении и изучении синодальных решений по цензурным вопросам выяснилось, что ответы эти нельзя делить только на два вида: положительный и отрицательный. Встречались и промежуточные варианты: «Разрешить, с внесением исправлений» или «Вернуть для внесения исправлений». Разница между двумя последними резолюциями заключается в следующем. Дело в том, что духовные цензоры зачастую на полях рукописей или непосредственно в самом тексте делали исправления и пометки, которые автор при публикации рукописи обязательно должен был учитывать. Однако эти замечания, как правило, не были серьёзными, и зачастую относились к незначительным стилистическим и даже просто грамматическим ошибкам. Поэтому в синодальных указах так и говорилось, что рукопись может быть одобрена к печати, но с условием обязательного внесения исправлений. Повторно, и это было самое главное для автора, рукопись для рассмотрения ни в Синод, ни в духовно-цензурный комитет представлять было не нужно. Последний же вариант был гораздо более серьёзным для авторов, так как синодального цензора могли не устроить целые разделы и даже главы той или иной рукописи. В таких случаях автор мог потратить на внесе-

⁹⁶РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1380. Л. 62.

ние исправлений или вообще капитальную переделку отдельных частей своего сочинения несколько месяцев, а иногда может даже и несколько лет⁹⁷.

При детальном изучении архивных материалов за 1859 г.⁹⁸ было выявлено, что в этом году Св. Синод направил в Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет 71 указ. К печати было разрешено 45 рукописей, запрещено — 14, разрешено с внесением исправлений — 8; возвращено для внесения исправлений — 4. Таким образом, Синод без изменений пропустил только 45 рукописей, т. е. больше половины от общего количества. Данные по трем другим пунктам в сумме составляют 26 наименований. Получается, что 63% одобренных в Санкт-Петербургском духовном цензурном комитете рукописей получили одобрение и в Синоде. Остальные 37%, т. е. каждая третья рукопись, подверглись определенной правке или вовсе были запрещены.

Выявленные данные позволяют утверждать, во-первых, что контроль со стороны Св. Синода за выпускаемой в Российской империи книжной продукцией религиозного содержания, действительно, был достаточно строгим. Во-вторых, большой процент запрещённых Синодом рукописей, ранее уже одобренных Санкт-Петербургским духовным цензурным комитетом, не мог не вызывать неудовольствие у представителей высшей церковной власти. Именно поэтому некоторые синодальные указы заканчивались прямым указанием членам столичного духовного цензурного комитета более внимательно и профессионально относиться к своей деятельности⁹⁹. Естественно, подобного рода выговоры не могли не способствовать всё большей придирчивости комитетских цензоров. Ведь многократные выговоры могли привести и к более серьезным последствиям, что могло сказаться самым неблагоприятным образом на последующей карьере цензора в духовном ведомстве¹⁰⁰.

Теперь коснемся вопроса о том, кто собственно занимался цензурированием поступающих в Синод рукописей. Данные об этом можно почерпнуть непосредственно из текстов синодальных указов. Там, как правило, указывалось, кто именно рассматривал рукопись по поручению Синода. Архивные материалы за 1859 г. позволяют выделить следующие группы: 1) архиереи; 2) конференции духовных академий; 3) другие; 4) мнение непосредственно самого комитета; 5) без указания цензора. В качестве комментария к принятому делению

⁹⁷См. *Карпук Д.А.* Академик П.П. Пекарский и духовная цензура // Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук. Пермь, 2013. С. 20–24.

⁹⁸РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1290-1300, 1303–1305, 1359.

⁹⁹Там же. Д. 1357. Л. 16–16об.

¹⁰⁰См. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1350; Д. 1429. Л. 185; Д. 1448. Л. 47; 130; Д. 1501. Л. 78 и др.

можно отметить, что в некоторых синодальных указах нет никакой информации о том, кто именно просматривал рукопись. Раздел «Мнение непосредственно самого комитета» означает, что рукопись, скорее всего, проходила формальную проверку. Духовных академий, которые приняли участие в 1859 г. в цензурной работе по распоряжению Синода, было всего две — Санкт-Петербургская и Казанская. В категорию «другие» включены преподаватель Санкт-Петербургской духовной семинарии и члены Кишиневской духовной консистории.

Результаты по вопросу о синодальных цензорах по материалам 1859 г. оказались следующими: архиереям была направлена 41 рукопись, конференциям духовных академий — 4, другим — 2, согласно с мнением комитета — 10, без указания цензора — 14. Полученные данные совершенно очевидно свидетельствуют, что большая часть рукописей по распоряжению Св. Синода направлялась на рассмотрение именно архиереям. Что же касается других организаций и структур, то обращение к ним диктовалось разными, часто вполне объективными причинами. Например, обращение к членам Кишиневской духовной консистории было вызвано тем, что необходимо было рассмотреть рукопись «Сказание о Гербовецкой Богоматерней иконе», которая была написана на молдавском и болгарском языках. Компетентных знатоков этих языков в духовном ведомстве в Петербурге не нашлось¹⁰¹. Что касается архиереев-цензоров, то в синодальных указах за 1859 г. всего упомянуто 19 архиереев. Из них большая часть просмотрела всего лишь по одной рукописи. И только 7 владык цензурировали по 2 и больше. Больше всех материалов рассмотрели епископ Ревельский Агафангел (Соловьев) и архиепископ Ярославский Нил (Исакович)¹⁰² — по 7 и 5 соответственно.

Систематизация и изучение указов Св. Синода, как отдельного источника по истории духовной цензуры, позволяет утверждать, что: 1) влияние Св. Синода на работу духовного цензурного комитета было достаточно серьезным; 2) практически каждая третья рукопись, одобренная и поступившая из духовного цензурного комитета, подвергалась в Синоде критике; 3) чаще всего внутренними цензорами являлись архиереи; 4) привлечение в качестве внутренних синодальных цензоров специалистов не в епископском сане случалось сравнительно редко, и было связано чаще всего с языком, на котором эта рукопись представлялась на цензурирование; 5) время, которое уходило на рассмотрение

¹⁰¹ Там же. Д. 1359. Л. 252.

¹⁰² Об архиепископе Ниле (Исаковиче) как цензоре см. подробнее: Карпук Д.А. Миссионер и цензор // Православное книжное обозрение. 2014. Август, № 7–8 (42). С. 28–35.

рукописей в Синоде не регламентировалось и поэтому на цензурирование уходило иногда несколько месяцев, а случалось что и несколько (даже 5–6) лет¹⁰³.

Личный состав Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета

В своей ежедневной деятельности члены комитета духовной цензуры руководствовались уставом 1828 г., где прописывались, за что сочинения нельзя было пропускать к печати, в каких случаях их необходимо было отправлять на рассмотрение непосредственно в Св. Синод. Однако в реальной жизни судьба автора и его сочинения во многом зависела от цензора, от его иерархического положения, взглядов на литературу, периодическую печать и т.д. В этом смысле нам кажется вполне справедливым замечание Н.Г. Патрушевой, которое она сделала в отношении светских цензоров: «На практике личные качества того или иного цензора имели очень большое значение, так как от этих чиновников зависела подчас не только судьба литературного произведения, но и судьба автора, издателя, работников редакции и типографии. Одно и то же произведение разные цензоры могли оценить по-разному, потому что руководствовались они не столько законом, сколько личным усмотрением, секретными циркулярами и указаниями начальства»¹⁰⁴.

В качестве наглядного подтверждения верности этого утверждения и для духовной цензуры можно привести следующий эпизод, сведения о котором сохранились на страницах журналов заседаний Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета за 1858 г.¹⁰⁵ В мае у цензора архимандрита Сергия (Назаретского) возникли некоторые сложности с рецензированием даже не серьезного научно-богословского трактата, а простого стихотворения «Бат-Шеба». Стихотворение предназначалось для публикации в популярном тогда журнале «Сын Отечества» и было предоставлено редакцией на просмотр в комитет духовной цензуры, т.к. предметом стихотворного произведения была покаянная молитва израильского царя Давида по случаю его прегрешения с женой Урии. В дан-

¹⁰³См. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1358. Л. 56об., 251.

¹⁰⁴*Патрушева Н.Г.* Цензура в России во второй половине XIX века в воспоминаниях современников // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных работ. Вып. 1.* СПб., 2001. С. 95.

¹⁰⁵См. подробнее: *Карпук Д.А.* Служба и жизнь. Повседневная жизнь цензоров Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета в середине XIX века // *Православное книжное обозрение.* 2014. Сентябрь. № 9 (43). С. 38–47.

ном случае духовный цензор нашел несколько причин, чтобы запретить печатать этот стихотворный труд¹⁰⁶.

Автор стихотворения со всей серьезностью отнесся к критическим замечаниям цензора и использовал их при исправлении своего текста. Однако и в исправленном виде стихотворение вызывало у цензора некоторое смущение. Поэтому он, внося несколько изменений и исправлений (цензор предложил новый вариант заглавия стихотворения «Притча пророка Нафана»; кроме того, отца Сергия смутило содержание некоторых строф), предложил рассмотреть и вынести итоговое решение о возможности публикации стихотворения на всеобщем обсуждении всех членов духовного комитета. Подобного рода процедуры происходили не так часто. Но, в принципе, они были предусмотрены цензурным уставом, чтобы, действительно, в особо затруднительных и деликатных случаях итоговое рассмотрение сочинения осуществлялось всеми членами комитета. Чаще всего в таких случаях другие члены комитета соглашались с мнением цензора, инициировавшим вопрос и уже просмотревшим рукопись. На этот раз всё было иначе. Два цензора — архимандриты Фотий (Романовский) и Макарий (Малиновский) — вполне ожидаемо согласились со своим коллегой. И только архимандрит Феодор (Бухарев) высказал другую точку зрения. Во-первых, он не увидел повода для очередного изменения названия стихотворения, тем более что вновь придуманное заглавие «Притча пророка Нафана» относилось только к части, а не ко всему стихотворению. Во-вторых, строфы, смутившие отца Сергия, отец Феодор счел возможным оставить без изменений, потому что описание красоты (остаётся только догадываться, как именно выражался автор в этих местах о красоте) не противно чувству и духу целомудрия, доказательством чего служит, например, вся библейская книга «Песнь Песней». Падение царя Давида, по мнению отца Феодора, автор указал просто, без излишних деталей и в полном согласии с библейским повествованием. Ну и наконец, в-третьих, самое интересное, отец Феодор нашел «неприличным и для автора даже обидным — без крайней нужды изменять или поправлять его речь, как, например, заменить слово “покаянно” словом “умиленно”, или поправлять резкое выражение о бесчеловечном богаче: “что лев, пресыщенный в берлоге”». И в заключение своего и без того довольно резкого отзыва, направленного не против не зарвавшегося автора, а своего собрата, архимандрит Феодор несколько категорично заявил, что он находит вредным и, более того, противным силе духовно-цензурного устава,

¹⁰⁶РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1358. Л. 95об.–96.

«чтобы чрез подобные оскорбления авторской чести отталкивать писателей от занятия духовными предметами»¹⁰⁷.

Можно только догадываться о причинах такого демарша о. Феодора, но этот эпизод, свидетельствующий о разногласиях среди самих цензоров, был едва ли единственным и настолько серьезным за несколько лет. Дело вполне закономерно закончилось принятием мнения большинства, а само стихотворение и имя его автора можно поискать на страницах «Сына Отечества» за 1858 г.

Именно поэтому многие авторы и издатели при обращении в Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет позволяли себе указывать на того или иного цензора для просмотра своих книг, брошюр и слов. Так, в письме от 16 августа 1856 г. епископ Самарский Евсевий (Орлинский), направляя в комитет свою книгу «Беседы о семи спасительных Таинствах» для нового ее издания, указывает в прошении: «... и, если будет дозволено, передать книгу г. профессору Санкт-Петербургской духовной академии Василию Николаевичу Карпову»¹⁰⁸.

В 1855 – начале 1856 гг. в состав комитета входили архимандриты Иоанн (Соколов) и Кирилл (Наумов), протоиерей Михаил Богословский и профессор В.Н. Карпов. В декабре 1856 г. Св. Синод определил уволить протоиерея Михаила Богословского от занимаемой должности цензора, а на его место назначить протоиерея Иоанна Яхонтова¹⁰⁹. В 1857 г. в составе цензурного комитета вновь произошли перемены. Вместо архимандритов Иоанна и Кирилла были назначены новый ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Нектарий (Надеждин)¹¹⁰ и законоучитель 3-й Санкт-Петербургской гимназии священник Константин Добронравин¹¹¹.

Каждый из упомянутых здесь членов комитета заслуживает отдельного очерка. Многие из них стали впоследствии выдающимися церковными деятелями. Так, архимандриты Иоанн и Кирилл занимали архиерейские кафедры. Причем епископ Иоанн возглавлял в течение некоторого времени Санкт-Петербургскую духовную академию и известен своими исследованиями по каноническому праву¹¹². Профессор В.Н. Карпов уже в середине XIX столетия

¹⁰⁷ Там же. Л. 113–114.

¹⁰⁸ Там же. Д. 1254. Л. 1.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп.1. Д. 2469.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1357. Л. 81; Д. 1270. Л. 9.

¹¹¹ Там же. Д. 1357. Л. 132; Д. 1270. Л. 15.

¹¹² См. *Никифоров М.В.* Иоанн (Соколов), епископ // *Православная энциклопедия*. Т. XXIII. М., 2010. С. 446–452.

был знаменит своими лекциями по философии, кроме того, именно в это время он осуществил перевод диалогов греческого философа Платона. Протоиерей Иоанн Яхонтов впоследствии был редактором журнала «Духовная беседа», основанного в 1858 г. митрополитом Санкт-Петербургским Григорием (Постниковым). Протоиерей Михаил Богословский был известен своими работами по богословию. Так, в одном из исследований ему дается следующая характеристика: «Прот. Богословский представлял собою личность выдающуюся по талантам и высокому богословскому образованию. Это был муж сильного ума и энергии, всестороннего богословского образования, непреклонной воли и необыкновенной силы характера — честного и правдивого. Отсюда — его видимая суровость и горделивость»¹¹³.

В октябре 1857 г. конференция Санкт-Петербургской духовной академии по поручению митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Григория (Постникова) на одном из заседаний обсудила сложившуюся ситуацию в своем духовном цензурном комитете. Конференция вынесла следующее суждение: «В члены Комитета духовной цензуры, существующего при здешней академии, обыкновенно избираются лица, занятые и другими должностями; между тем число поступающих на рассмотрение в сей комитет книг и рукописей ежегодно возрастает и, непрерывно увеличивая труды членов комитета, лишает их возможности при всем усердии совмещать успешные занятия по комитету с другими разнообразными занятиями по занимаемым ими должностям; от чего неизбежно происходит замедление в рассмотрении предоставляемых книг и рукописей и следовательно остановка в распространении духовной литературы в обществе»¹¹⁴. В связи с такой ситуацией конференция через митрополита Григория обратилась в Св. Синод с предложением преобразовать духовно-цензурный комитет таким образом, чтобы в него входили члены свободные от других должностей, «с сохранением прежних, определенных цензурным уставом, обязанностей и отношений его к академической конференции и к высшему духовно-училищному начальству»¹¹⁵. Более того, конференция в своем отношении предложила список кандидатов на должности членов духовно-цензурного комитета: ректора Орловской семинарии архимандрита Фотия (Романовского), инспектора Казанской академии архимандрита Феодора (Бухарева), инспектора Калужской семинарии архимандрита Агапита и ректора Александро-Невского

¹¹³Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 48–49.

¹¹⁴РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1983. Л. 1.

¹¹⁵Там же. Л. 1об.

училища архимандрита Макария (Малиновского). Практически все кандидатуры впоследствии и были утверждены Св. Синодом. Только вместо инспектора Калужской семинарии архимандрита Агапита был назначен ректор Саратовской семинарии архимандрит Сергей (Назаретский). Также был рассмотрен очень важный вопрос об оплате цензорского труда¹¹⁶.

Проект преобразования духовного цензурного комитета Св. Синодом был рассмотрен и одобрен в декабре 1857 г.¹¹⁷ 1 марта 1858 г. новые члены приступили к исполнению своих обязанностей. В период с 1858 по 1894 гг. должности духовных цензоров столичного комитета в разное время занимали архимандриты Фотий (Романовской), Феодор (Бухарев), Макарий (Малиновский), Сергей (Назаретский), Фотий (Щириевский), Герман (Осецкий), Ефрем (Рязанов), Геласий¹¹⁸, Арсений, Иосиф, Тихон (Покровский), Никон, Григорий (Полетаев), Василий, Мефодий (Великанов), иеромонах Евсевий (Никольский), священник Александр Автономов, протоиерей Василий Гречулевич, с 1876 г., после принятия пострига, архимандрит Виталий¹¹⁹. На протяжении практически полувека секретарями Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета являлись профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.А. Чистович (до 1863 г.), Е.И. Ловягин (с 1863 по 1893 гг.), Т.А. Налимов (с 1893 по 1894 гг.) и А.И. Садов (с 1894 г.)¹²⁰. Кроме того, в комитете одновременно работало по два письмоводителя, которыми, за редким исключением, являлись студенты столичной академии. Работа в комитете была для них хорошей возможностью подзаработать¹²¹.

¹¹⁶См. Карпук Д.А. Материалы фонда Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) как исторический источник по истории духовной цензуры в XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 5 (21) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000574-0-1> (дата обращения: 05.05.2015).

¹¹⁷РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 1983. Л. 7.

¹¹⁸В некоторых случаях, опираясь исключительно на материалы 807 фонда, не удалось выявить фамилии монашествующих цензоров. В дальнейшем предполагается привлечение для этой цели других источников.

¹¹⁹РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1355–1361, 1380, 1398, 1401, 1429, 1448, 1465, 1482, 1501, 1584, 1617, 1741, 1757, 1774, 1791, 1809.

¹²⁰Там же. Д. 1308. Л. 111; Д. 1805. Л. 3, 5, 6.

¹²¹Там же. Д. 1289; Д. 1380. Л. 66; Д. 1398. Л. 45; Д. 1448. Л. 30; Д. 1465. Л. 21; Д. 1501. Л. 41, 55.

Деятельность духовных цензоров Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета

Столичный духовный цензурный комитет располагался на территории Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в помещениях, которые выделялись лаврским начальством. В деле об увольнении секретаря комитета Т.А. Нахимова (в 1894 г.), сохранилась опись предметов, находившихся в конторе комитета: две ветхие иконы — Пресвятой Богородицы и свт. Николая; три портрета императоров в рамках — Николая I, Александра II и Александра III; зеркало; большой стол, обшитый сукном; два небольших стола, покрытых клеенками; пять кресел, обшитых шелковой материей; стул, обшитый такой же материей; шкаф двухдверный (под орех); четыре шкафа со стеклянными дверцами (для архива); один ветхий глухой шкаф; три стула с мягкими сидениями, обшитыми клеёной; одна деревянная вешалка; один деревянный диван; восемь плетеных стульев (под орех). Кроме того, в конторе комитета находились три казенных печати, лампа и два весьма ветхих подсвечника, два письменных прибора с подставками, счеты, ножницы и нож¹²².

В столичный духовный цензурный комитет поступали рукописи, книги, брошюры, статьи, географические карты, эстампы, картины и т.д. от частных лиц, из организаций, типографий, светских и духовных учреждений. Секретарь комитета распределял материал между членами комитета. Иногда авторы передавали рукописи напрямую цензорам (что называется, «по знакомству»). Особенно это было характерно для столичных писателей и издателей.

Косвенные данные позволяют говорить о негласном, а иногда и о гласном «разделении труда» между духовными цензорами. Например, 1 марта 1858 г. состоялось заседание всех вновь назначенных членов цензурного комитета под председательством ректора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Феофана (Говорова). Чтобы оптимизировать процесс цензурирование статей для светских и церковных периодических изданий (как журналов, так и газет) было принято постановление, согласно которому каждому из членов комитета поручалось курировать отдельные издания. Так, архимандриту Фотию (Романовскому) поручалось просматривать статьи для журналов «Христианское чтение», «Русский педагогический вестник», «Издание археологического общества» и «Журнал Министерства народного просвещения»; архимандриту Сергию (Назаретскому) — «Чтения для солдат», «Художественный листок и светопись», «Земледельческую газету» и «Сын Отечества»; архимандриту Фе-

¹²²Там же. Д. 1805. Л. 9.

одору (Бухареву) — «Духовную беседу», «Современник», «Отечественные записки» и «Звездочку»; архимандриту Макарию (Малиновскому) — «Северную пчелу», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Библиотеку для чтения»¹²³.

Спустя некоторое время после поступления рукописи цензоры представляли свои отзывы-рецензии в комитет, на основании которых и выносилось окончательное суждение-вердикт. Что касается времени, то, как сказано выше, иногда между подачей сочинения и вынесением решения проходило от нескольких дней до нескольких лет. Правда, иногда авторы, не дождавшись скорого ответа, настойчиво донимали членов комитета запросами о судьбе своих рукописей. Время рассмотрения рукописи во многом, разумеется, зависло от занятости автора и объема текста. Иной раз нужно было просмотреть простое объявление, например, о продаже книги¹²⁴. Иногда же приходилось штудировать 300–400 страниц рукописного текста.

Что касается самих вердиктов, то они могли быть самыми разными. Например, цензор мог просто запретить сочинение, а мог запретить и обратить внимание церковного руководства на автора, точнее на его взгляды. Особенно это касалось представителей духовенства и их епархиального начальства. Однако последнее происходило очень редко и только в самых крайних случаях. Иногда сочинителю указывалось, что он может внести в свой текст исправления и предоставить работу повторно. Бывали случаи, когда цензоры, пропуская ту или иную рукопись, указывали в своих рецензиях, что сочинение может быть опубликовано за исключением тех мест, которые зачеркнуты красными чернилами самим цензором. Но что именно было зачеркнуто, исправлено и т.д., в рецензиях не указывалось или за многочисленностью исправлений или за обыкновенной ненужностью, в виду того, что все пометки делались непосредственно в тексте рукописи. Так, например, профессор В.Н. Карпов, рассматривая рукопись архимандрита Порфирия (Успенского) «Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского», завершает свой отзыв следующим образом: «В сей рукописи, кроме того, что зачеркнуто красными чернилами, нет ничего противного правилам духовной цензуры»¹²⁵. Если цензору не к чему было придаться, то сочинение пропускалось, и тогда следовала самая радостная для автора фраза, что сочинение «не представляет ничего противного духовной цензуре и может быть одобрено к печатанию».

¹²³Там же. Д. 1358. Л. 127.

¹²⁴Там же. Л. 58.

¹²⁵Там же. Д.1254. Л.11.

Время от времени работа цензоров, судя по рецензиям, напоминала работу частных сыщиков, когда приходилось проводить даже небольшие расследования на основании не только содержания, но даже и внешнего вида представляемых рукописей. Так, например, архимандрит Иоанн (Соколов) в своей записке от 17 июня 1856 г. сообщает, что он не может одобрить рукопись, представленную ему настоятелем Зеленецкого монастыря архимандритом Иаковом к печати по нескольким причинам. Во-первых, «потому, что она без головы и без имени», т.е. без всякого введения и объяснения, почему и к какой именно теме обращается автор. Во-вторых, и этот пункт рецензента наиболее интересен, «можно по содержанию и изложению догадываться, что это отрывок из ученических уроков пастырского богословия»¹²⁶. Другими словами, получается, что настоятель монастыря представил на рецензию отрывок из ученической тетради по пастырскому богословию (причем отрывок мог принадлежать как ему, так и кому-нибудь из братии монастыря) и при этом даже не потрудился привести его в соответствующий вид, т.е. отредактировать, озаглавить и т.д.

Нечто подобное произошло в следующем 1857 г., когда на одном из февральских заседаний рассматривался отзыв протоиерея Иоанна Яхонтова о сочинении «История Православной Церкви». Рукопись, по словам цензора, состояла из «нескольких отдельных тетрадей, которые по всей вероятности, есть не иное что, как лекции умного наставника, записанные довольно рассеянными слушателями». Такой неожиданный вывод отец Иоанн сделал на том основании, что в рукописи встречается большое количество фраз, «как бы оборванных, недосказанных», кроме того, не лишена была рукопись и орфографических ошибок. Далее, «самый вид этих тетрадей, довольно засаленных и писанных небрежно, показывает, что они были употребляемы в школе». Цензор вполне справедливо делает предположение, что автор сам вряд ли подал бы свое сочинение в подобном виде. Поэтому приговор рецензента был весьма любопытным и нестандартным: «Особа, представившая эту рукопись в цензурный комитет, должна доставить их самому автору для окончательной обработки сочинения и издания его в свет, если угодно будет сочинителю»¹²⁷.

Если отзыв цензора о рукописи был положительным, то автор направлялся в типографию, чтобы отдать текст в набор. После печати книги (брошюры, журнальной или газетной статьи т.д.), типография в лице своего директора или приказчика обязана была представить определенное количество экземпляров (в середине XIX в. — 6 экз.) в цензурный комитет, где духовный цензор должен

¹²⁶Там же. Д. 1254. Л. 16.

¹²⁷Там же. Д. 1357. Л. 22–22об.

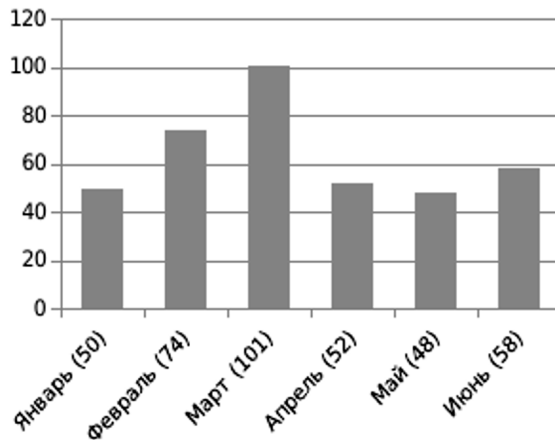
был сравнить печатный и рукописный вариант текста. И если оба варианта совпадали, то только тогда цензурный комитет выдавал соответствующий разрешительный билет, который позволял автору (или книгопродавцу) забрать книжную продукцию из типографии.

Согласно уставу духовной цензуры, во всех книгах, которые прошли эту процедуру именно по духовному ведомству, как правило, на второй странице всегда указывалось место и дата цензуры, а также, и в данном случае это самое главное, имя цензора. Другими словами, даже после выхода книги в свет цензор продолжал нести персональную за неё ответственность. И любой читатель, который бы посчитал те или иные авторские высказывание либеральными или крамольными, мог написать в канцелярию Св. Синода или обер-прокурора заявление с просьбой обратить внимание на работу цензора. Вполне очевидно, что ходатайства такого рода «доброжелателей» могли самым пагубным образом сказаться на дальнейшей карьере учёного монаха-цензора. Поэтому иногда доходило до того, что цензоры запрещали сочинения в том числе и представителей высшей церковной иерархии. Так, из протоколов комитета, датированных 10 июня 1857 г., видно, что викарий Казанской епархии епископ Чебоксарский Никодим (Казанцев) представил на рассмотрение сразу три (sic!) акафиста святому царевичу Димитрию Иоанновичу Угличскому. Учитывая статус просителя, с одной стороны, и низкое качество рукописи, с другой, итоговое решение по этому вопросу было принято не на основании рецензии одного из членов цензурного комитета, а после рассмотрения представленных акафистов на общем заседании всеми цензорами вместе. В результате, сославшись на § 45 устава, цензоры вернули акафисты преосвященному составителю «без одобрения к печатанию, так как они написаны стихотворным русским, а не употребительным для сочинений этого рода церковно-славянским языком, и не возвышаются до духа церковных песнопений»¹²⁸.

В качестве наглядного примера повседневной деятельности членов цензурного комитета были подробно рассмотрены материалы за первые шесть месяцев 1858 г. В результате было выявлено, что за данный период Санкт-Петербургский комитет рассмотрел 383 рукописи, книги, брошюры, статьи, изображения и т.п.

Из данных, представленных на *Графике 1*, видно, что больше всего рукописей было рассмотрено в феврале и марте 1858 г. Возможно, это было обусловлено тем, что февраль стал последним месяцем работы «академических»

¹²⁸Там же. Л. 94.

цензоров, а март, таким образом, стал первым месяцем деятельности нового состава цензоров. В среднем цензоры рассматривали по 50–60 рукописей в месяц.

График 1. Количество рассмотренных рукописей, книг, статей, брошюр и изображений в январе–июне 1858 г.

Теперь, что касается вынесенных вердиктов. Данный пункт является самым интересным, поскольку дает возможность ответить и наглядно показать, сколько рукописей «заворачивались» столичным духовным цензурным комитетом. Результаты деятельности комитета за первые шесть месяцев 1858 г. представлены в Таблице 1.

Приведенные данные показывают, что рукописей, которые не были пропущены в первом полугодии 1858 г. к печати всего только 37 (в январе 1858 г. таких рукописей вообще не было), что составляет меньше 10% от общего числа просмотренных текстов, изображений и т.п. Другими словами, только каждая десятая рукопись не пропускалась к печати. Причем из этого числа больше половины текстов браковались из-за грамматики, неряшливого стиля и т.д. Количество текстов, которые пропускались к печати с исправлениями цензора и того меньше — всего 13 за полгода, т.е. всего около 3% от общего количества. Без каких бы то ни было цензурских поправок и замечаний к печати было пропущено 284 рукописей и изображения, т.е. чуть более 65%.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Итого
+	42	59	82	27	36	38	284
+Ц	2	2	2	2	1	4	13
ОС	4	8	1	12	3	7	35
+ЦОС	—	1	1	—	1	—	3
ВИ	2	—	2	5	1	1	11
—	—	4	13	6	6	8	37
Итого	50	74	101	52	48	58	383

Таблица 1. Распределение вердиктов-решений духовных цензоров за январь–июнь 1858 г. Сокращения: «+» — разрешено; «+Ц» — разрешено с исправлениями цензора; «ОС» — разрешено и отправлено для вынесения окончательного решения в Св. Синод; «+ЦОС» — исправлено цензором, одобрено к печати и направлено для вынесения окончательного решения в Св. Синод; «ВИ» — возвращено автору для внесения соответствующих исправлений, сокращений или дополнений; «—» — не разрешено к печати).

В течение второй половины XIX в. чаще всего запрещались исследования о позитивизме¹²⁹, спиритизме¹³⁰, работы, в которых осуждался существующий строй Русской Православной Церкви¹³¹, положительные работы по истории старообрядчества¹³². Впрочем, содержание отрицательных отзывов позволяет говорить, что отклонялись не только сочинения «либеральной» направленности. Приводимые цензорами в рецензиях цитаты свидетельствуют, например, что отдельные авторы в своих сочинениях подвергали испепеляющей критике вообще все подряд, что шло в Россию с Запада. Так, в 1859 г. на рассмотрение поступила статья «Очерк психологии» для журнала «Маяк». Цензор, ее рассматривавший, не пропустил статью к публикации. Весь текст был написан в направлении, которое можно выразить следующими словами самого автора: «Все то, что мы приняли от Запада на слово, надобно бросить, решительно, без жалости, с презрением бросить»¹³³. Любопытна позиция цензора по поводу такого крайне отрицательного отношения к плодам западноевропейской цивилизации: «апостол

¹²⁹ Там же. Д. 1429. Л. 188.

¹³⁰ Там же. Д. 1584. Л. 15, 16об.

¹³¹ Там же. Д. 1501. Л. 81; Д. 1584. Л. 59.

¹³² Там же. Д. 1429. Л. 185; Д. 1448. Л. 47; Д. 1501. Л. 6, 8об.

¹³³ Там же. Д. 1359. Л. 43.

внушает нам — вся испытывающе добрая удерживать и, в пример, конечно, для нас, находил в самой области язычества то, что бросать никак не следует (Деян 17: 23)»¹³⁴. Подобного рода примеров достаточно много¹³⁵. Очень часто, как это можно судить по сохранившимся отзывам, цензорам приходилось выполнять роль редакторов и корректоров и запрещать сочинения с многочисленными стилистическими и грамматическими ошибками¹³⁶.

Таким образом, при внимательном изучении сохранившихся архивных материалов одного из духовных цензурных комитетов, деятельность духовных цензоров нельзя не признать не только полезной, но и чрезвычайно необходимой¹³⁷. Нисколько не отрицая того факта, что цензура ограничивала возможности, например, церковным ученым для развития русской богословской науки, вместе с тем, нельзя не отметить, что духовные цензоры сводили до минимума количество некачественных и низкопробных публикаций.

* * *

В представленном в самом начале статьи историографическом экскурсе показано, что история духовной цензуры в России второй половины XIX – начала XX вв., к сожалению, до сих пор не становилась предметом серьезного научного изучения. Вместе с тем духовная цензура оказала колоссальное влияние не только на религиозную, но и на светскую культуру и общественную жизнь.

Источники и литература

1. Аксаков И.С. Полное собрание сочинение. Т. 4. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. М., 1886.
2. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение III (1796–1869). Под ред. Ф.И. Титова. Т. V. (1819–1869). К., 1913.
3. Антипов М.А. Деятельность Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры как издательской структуры в XIX–начале XX вв. // Сайт Бо-

¹³⁴Там же. Л. 43–43об.

¹³⁵Там же. Д. 1304. Л. 223об.

¹³⁶Там же. Д. 1359. Л. 183

¹³⁷См. Карпук Д.А. К вопросу о важности и необходимости духовной цензуры в Русской Православной Церкви в синодальный период // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование. Т. 6. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. С. 334–338.

- гослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/311692.html> (дата обращения: 05.05.2015).
4. *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // *Христианское чтение*. 1901. № 5. С. 691–719; № 6. С. 966–998; № 7. С. 110–130; № 8. С. 238–257; № 9. С. 390–404.
 5. *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань: Типо-литография императорского университета, 1913.
 6. *Грекулов Е.Ф.* Как российское духовенство душило печать. М., 1930.
 7. *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетей, 2007.
 8. *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Раскин Д.И.* Цензура в России XIX–начала XX вв. // *Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов.* М., 2007. Т. 5. С. 775–791.
 9. *Дворжанский А.И., Зелёв С.В.* Иннокентий (Смирнов), свт. // *Православная энциклопедия*. Т. XXII. М., 2009. С. 725–727.
 10. *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1907.
 11. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санкт-Петербурге в лето от рождения Христова 1721 сочиненный. Изд. 2-е. М.: Синод. тип., 1861.
 12. *Жирков Г.В.* Век официальной цензуры // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 2. Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 167–264.
 13. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
 14. *Задорнов А., прот.* Церковная цензура: прошлое и перспективы // Сайт Богослов.ru. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/305703.html> (дата обращения: 05.05.2015).
 15. *Исполатов П.И.* Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы // *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1909. № 2. С. 84–86; № 3. С. 129–133; № 4. С. 188–195; № 5. С. 241–244; № 6. С. 289–293; № 7. С. 344–347.
 16. *Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко.* М.: Высш. школа, 1981.

17. Карпук Д.А. Академик П.П. Пекарский и духовная цензура // Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук. Пермь, 2013. С. 20–24.
18. Карпук Д.А. Алексей Николаевич Котович — исследователь духовной цензуры России // Православный собеседник. Казань. Казанская духовная семинария, 5–6 ноября 2010 г. Вып. 1 (21). Казань, 2011. С. 46–58.
19. Карпук Д.А. Высший орган духовной цензуры // Православное книжное обозрение. 2014. Апрель, № 4 (39). С. 54–60.
20. Карпук Д.А. Духовная цензура в Российской империи в середине XIX века (на примере деятельности Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 6 (3). С. 65–69.
21. Карпук Д.А. Духовная цензура. Основные вехи из истории духовно-цензурных комитетов в синодальный период // Православное книжное обозрение. 2014. Январь. № 1 (36). С. 42–51.
22. Карпук Д.А. К вопросу о важности и необходимости духовной цензуры в Русской Православной Церкви в синодальный период // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование. Т. 6. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. С. 334–338.
23. Карпук Д.А. Материалы фонда Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета (РГИА. Ф. 807) как исторический источник по истории духовной цензуры в XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 5 (21) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000574-0-1> (дата обращения: 05.05.2015).
24. Карпук Д.А. Миссионер и цензор // Православное книжное обозрение. 2014. Август, № 7–8 (42). С. 28–35.
25. Карпук Д.А. Попытка реформы. Митрополит Макарий (Булгаков) как духовный цензор и председатель Комиссии 1870 года по реформе духовной цензуры // Православное книжное обозрение. 2014. Март. №3 (38). С.46–53.
26. Карпук Д.А. Служба и жизнь. Повседневная жизнь цензоров Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета в середине XIX века // Православное книжное обозрение. 2014. Сентябрь, № 9 (43). С. 38–47.

27. Карпук Д.А. Строгий цензор. Святитель Филарет Московский и вопрос о реформе духовной цензуры в 1862 году // Православное книжное обозрение. 2014. Февраль, № 2 (37). С. 64–72.
28. Комиссия по пересмотру законов о печати и духовная цензура // Церковно-общественный вестник. 1880. № 136. 14 ноября. С. 1–2; № 137. 16 ноября. С. 1–3; № 139. 21 ноября. С. 1–3; № 140. 23 ноября. С. 1–3.
29. Котович А.Н. Духовная цензура в России (1799–1855 гг.). СПб.: Типография «Родник», 1909.
30. Котович А.Н. Комитеты духовно-цензурные // Православная энциклопедия. Под ред. проф. Н.Н. Глубоковского. Т. XII. Книги символические – Константинополь. СПб., 1911. Стлб. 478–488.
31. Магистерский коллоквиум А.Н. Котовича // Церковный вестник. 1910. № 20. Стлб. 616.
32. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005.
33. Никифоров М.В. Иоанн (Соколов), епископ // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 446–452.
34. Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х и конец 1870-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
35. Определение Священного Синода от 25 декабря 2009 года об издательской деятельности // Сайт Издательского Совета. URL: http://izdatsovet.ru/doc/index.php?ELEMENT_ID=801 (дата обращения: 05.05.2015).
36. РНБ. Ф. 574. Д. 96.
37. Павлов А.С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
38. РГИА. Ф. 796. 1886 г. Оп. 167. Д. 2258; Оп. 138. Д. 1983.
39. РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Отд. 1. Д. 158; Оп. 75. II отд. 3 ст. 1905 г. Д. 208а; Оп. 86. II отд. 3 ст. 1916 г. Д. 221, 427.
40. РГИА. Ф. 807. Оп. 2. 1254, 1270, 1289–1300, 1303–1305, 1308, 1355–1361, 1380, 1398, 1401, 1429, 1448, 1465, 1482, 1501, 1584, 1617, 1741, 1757, 1774, 1791, 1805, 1809.
41. Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907.

42. *Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т. Т. 1. Рязань: Александрия, 2011.
43. Русское Православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989.
44. Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 гг. СПб., 1870.
45. Стоглав. Казань: Тип. губернского правления, 1862.
46. *Цапина О.А.* Церковная цензура и светские типографии в России во второй половине 1770-х–начале 1790-х годов // Век Просвещения. Вып. 2: Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: в 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 247–262.
47. ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2469.
48. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 1 / Сост. и научн. ред.: М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева; ред. С.А. Давыдова. СПб., 2001.
49. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 2 / Сост. и научн. ред.: М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева; ред. М.А. Бенина. СПб., 2005.
50. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 3 / Сост. и научн. ред.: М.А. Бенина, М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб., 2006.
51. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 4 / Сост. и научн. ред.: М.А. Бенина, М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб., 2008.
52. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 5 / Сост. и научн. ред.: М.А. Бенина, М.Б. Конашев, Н.Г. Патрушева. СПб., 2011.
53. Цензура в России: история и современность: сб. научн. тр. Вып. 6 / Сост. и научн. ред.: М.А. Бенина, М.Б. Конашев, Г.А. Мамонтова, Н.Г. Патрушева. СПб., 2013.
54. *Цытин В., прот.* Каноническое право. М., 2009.
55. *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
56. *Карпук D.A.* Religious Censorship in the Russian Empire the 1860th // Proceedings of the 1st International Conference on History and Political Sciences. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2014. P. 45–50.